

ДА 125-ГОДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ

АСНОЎНЯЯ МАТЬІВЫ ПАЭЗІ Т. Г. ШЭЎЧЭНКА

І дзень ідзе, і ноч ідзе,
І галаву схапіўшы ў руки,
Здзіўлівшись, чаму не ідзе
Апостол праўды і наўкі!

ЗАМУЧАНЫ прыгніцка-бюрапра-
тычным рэжымам, Т. Г. Шэўчэн-
ка ўсё сваё жыцце спра-
ва марыў абы волі, абы свабодзе.
Спачатку гэта была мара наяс-
ная, ноакрэсленая, адно спрастне-
імкненне да свабоды. Потым яна па-
наўленіца пэўным зместам рэволю-
цыйна-дэмакратычнага характару. У
такім плане павінны быць аразуметы
і раннія матывы творчыся паста, т. зв.
рамантычныя. Рамантыка Шэўчэнка —
рэволюцыйная, і ў гэтых адносінах бы-
блізкі да рамантыкі дзеябрьства. Не-
вынадкова паста успішнае сваіх бра-
твару у камеды «Сон». Дух паста нарадзі-
вае далёкую Сібір, дзе пакутуюць зна-
волены.

То не трупы, то не суду
Просяні ад пакуты;
Не, жывыя гэта людзі,
У кайданы закуты;

З норай золата выносяць,
Каб горла, як скрутам,
Ненасітнаму заткнуш.
Катаражане гата!

А завошта? Хіба знае
Усемагуты... Дзе там!

I прац шмат год Шэўчэнка зноў выво-
дае на свет пакутнікай за волю.

... А я памуса на Сібір
Аж за Байкал: загляну ў горы,
У вяршыні цёмны ў норы,
Без дна глыбокі. І вяс,
Барацьбы святое волі.

Ад цемеры чалу і волі
Царам, людзям я на пака,
На свет вас вывеле надалае
Радам доўгім у кайданах.

Нават зварот Шэўчэнка да мінулага,
да гісторыі носіць такіх характер, як і Рыле-
в, гаворыць абы свабодзе Украіны, абы
барацьбе з палацамі за сваю на-
зеленісць. У пазме «Гайдамакі» Шэўчэнка выкарыстоўвае гістарычныя со-
жеты ў тым-же дху, як Рылеў выка-
рыстаёт у сваіх думах факты з гісто-
рыі Украіны і Расіі для раскрыція ал-
ной асноўнай мыслі — барацьбы за сва-
боду. Было-и ніярвалінам шукаць гі-
старычныя праўды ў «Гайдамаках» і
на гэтай аснове судзіць паста. Але буд-
зе зусім праўльна, калі мы ўбачым
у пазме адлюстроўванне бунтарскага
духу Шэўчэнка, павернутага ў міну-
лае, каб выказаць свой праўтест супро-
ців гнуснага гнёту сучасніцтва, свае
думы аб неадхілнасці юрковай раз-
правы з прыгніцальникамі. Пазма «Гайд-
амакі» ёнцы заслік да пакутня, да
барацьбы супроців усклага прыгнеч-
тані, заслік да свабоды, да волі.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных паноў-пароў і памо-
шчыкаў. Яны разам закавалі і замури-
валі ўсес свет, і Шэўчэнка заўліке
да барацьбы супроців разлігі і царкоў.

Бог разлігі царкоў, папы закавалі
і замуравалі плюзей, прынізнуў да ўсе
іх ўзаемадзісці і атруцілі жыцці.

Асабліва цяжка албівалася апека
царкоў ў галіне самінічных адносін,
дае царкоў бесправнаўмі ўмешвалася
у найблізнейшас жыцці людзей. Ула-
віказу ўсім мыслі Шэўчэнка ў
«Гайдамакі»:

Май ты любая! Мой дружа!
Не мець нам веры без крыжку,
Не мець нам веры без паноў.
Радам, нявольнікам ніядум!

Заснуп, што свіні ў лужы,
У свайі няволі! Мой ты дружа,
Грудзей ніколі не жагнай,
У малітве воч не узімай

Ніколі ў свеце. Збрэшць людзі,
І візантыйскі Саваоф

Абудрць. Не абудрць, бог, —
Караць і мілаваць не будзе:

Мы не рабы яго — мы людзі!

Шэўчэнка заслік да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царкоў, але як і памо-
шчыкі, якія пакутнікай за волю.

Шэўчэнка дайшоў да той мыслі, што
небесны пак-бог служыць агорай у
руках заміных царко

Слово-полководецъ великой силы

Александр ШАРАПОВ
ДЕТСТВО

(Вступление в поэму «Родимая земля»).

Я с малых лет и в дождь, и в зной
С отцом слепым вдвоем
Дорогами земли родной
Ходил поводырем.
Бродили с ним из стана в стан
По селам, деревням;
Кусок, что христи-ради дан,
Делили пополам.
Брели и думали о том,
Что наш удел —
Идти..
Наш хлеб,
Наш кров,
Наш стол и дом
Всегда был впереди.
Но я был рад на целый свет
И дни не горевал.
Я с малых, самых малых лет
Счастливей, дней не знал.
Мы полем шли,
И поле сплошь
Несло отраду нам,
Волю набегая, рожь
Склоняясь в ногам.
Широкими лугами шли
Без тропок, без дорог,
В лугах на отлыни засияла
Ромашка и чеснок.
Мы реки в топких берегах
Переходили вброд,
Ц. грозах, бурях и ветрах
Мы знали наперед.
И мне казалось —
День за днем
Просторами земли
Мы со слепым отцом вдвоем
Ходили пешком.
Счастливей, радостнее дней
Я с малых лет не знал,
Но только радости моей
Отец не разделял.
Кричал отцу я:
— Погляди!
(Не помни, что он слеп)
Какое поле впереди,
Какой высокий хлеб
Стеной колосьев налитых
Лег из конца в конец!
— Не яни тот хлеб, что видишь ты,
Мне отвечал отец.
В июльский, августовский день,
В неумолимый зной
Мы или с отцом в лесную тень
Попадали порой.
В воде криничной, ключевой
Мочили сухари,
Как петухи, над головой
Сидели хлопари.
— Вот здесь построить новый дом,
Землянку пустынную,
Шалаш...
Но от твердил мне об одном:
— Не наш тот лес, не наш.
Мы шли по берегу реки,
Куда вела вода.
С членов смоленых рыбаки
Бросали невода.

М. КОРОТКЕВИЧ

МАТЬ

Вышивала узоры иглой
на широком льняном полотне,
Еспоминала о муже своем,
что погиб на гражданской войне.
Слезы крупные взор застилают, —
также,
Под рукой на юление дрожит полотно,
И тускнеет на нем шелковистый узор
Под уроненной жаркой слезой.
Где же тот позабытый, далекий
пустынь,
На котором уснул богатырь?
Или в чаще лесной, стремянами звеня,

3 А Смоленском все три дня танцуют
белорусский пейзаж. Бурые поч-
коватые луга, болотистые низины с
прошлогодней осокой, на косогорах бе-
резовые рощицы и облачное низкое
небо

Откинувшись в угол коляски и за-
пахнув дорогужнюю шинель, Глинка, ка-
захнув, спряталась, маленький, плот-
ный, с чуть обрюгшим, покривевшим
лицом и седеющими волосами.

На обочине коляску сильно качнуло.
Будто разбуженный от каких-то дум
своими этих движением, запел имщик.
Глинка прислушалась, но думы, вос-
поминания о прошлом опять захватили
его.

...Да, не получилась жизнь... Снова
богество... А может случиться, вот так
и умреш в дороге. Но почему он раз-
нодушно во всем, что оставил? Толь-
ко музыка, песня... О нет, осталась
еще любовь к родине. Не к дворянско-
му Петеру, но к постылой чиновнической
России, а рот в эту небу, лесам
и равнинам, к грустной дали, при вы-
ше которых так сладко сжимается сердце
и плакать хочется, точно от ле-
сен, что слагает инший народ.

А были счастливые дни. Особенно
памятно одно юношеское утро в Новоп-
асскском. Еще с вечера тревожила
этот сцена. Солнечный луч играл на
полированной крышки рояля. Закры-
ли глаза, он с минуту сидел, не прика-
сался к нему и прислушиваясь. Потом
медленно и вначале неуверенно ста-
ли возникать звуки, рисующие сцену и

По колени увязая в снегу, в чащобу и глушь, где не было видно даже
аверинских следов, идет, сутулился, ста-
рик. На самые брови наливается очищенная
шапка, и того подпоясан рваные
рукава. Чем дальше, тем глубже и в
недрохолмистом лесе. Крепостной
старик Иван, выбиваясь из сил, уже
бредет. Но вот и сил нехватает,

конец. Нарастает
грозный речитатив
голосов.

Пальцы мелькают
по клавиатуре. Вот
оно, вот что вчера.
тревожило.

Хитрость разгадана, но уже поздно.
Озеревшие ляхи бросились на Су-
санина. Зазевели клинки, высекая злые
искры, и белый снег потерявся...

Нервная дрожь пробегала в пальцах,
передаваясь клавиатуре рояля. Звуки
мисловал он смерть — геронческая

смерть за родину, когда умирают ста-
стливыми. Обессиленный внутренним
напряжением, он торопливо закрывал

шкрушу и, задержавшись у буфета,
шкрушу и, не разбрив дорожек, через парк
в поле.

Солнце поднималось уже на полдень.
Короли, лениво помахивая хвостами,
жадно, но аккуратно, под самый ко-
рень, срывали скучную травку. Былас

у новосласских мужиков, признаться, я
неважный. Матушка — барыня Евгения
Андреевна, видимо, принимала

матушку с висяком; свиних да
кочки. Не самой высокой и зеленою си-
дит согнувшись, бес шапки, кривой

старик и плетет лапоть.

— Яша, здравствуй!

— Здоровеньки будьте, батюшка-ба-
рин, милостивы наши ласковый, свет
Михаил Иванович, на многие лета
будьте здоровы! — Голова мотается в

поклонах, а зрячий глаз хитро косит-
ся в направлении барской руки. Из

кармана извлекает полотно и

две чертые пирожки, завернутых в

сению салфетку бумагу.

— О, ххххсподин! Спасибо-ко, батю-

шка-барин, спасибо Михаил Иванович.

Ужто я, чорт кривой потешу сегод-

ни тебя, сыграю твоей милости. А

вечор, эх, в удумай я нову песенку...

— Ты, Яша, вынене, не стесняйся.

— А я то истина, вынене, свет Ива-

нович, за твою злоруку промочу горло.

Ласков ты по простого люда, не

брегаясь до мужицкой компании. Гос-

поди Иисус Христос — Тыльной сто-

бокой бороды. За них, проклинала

железный путь, звения оружием, гусь-
ком вдруг ляжет. Чем дальше, тем глуб-
же и в недрохолмистом лесе.

Крепостной старик Иван, выбиваясь из сил, уже

бредет. Но вот и сил нехватает,

конец. Нарастает

грозный речитатив
голосов.

Пальцы мелькают
по клавиатуре. Вот
оно, вот что вчера.
тревожило.

Хитрость разгадана, но уже поздно.
Озеревшие ляхи бросились на Су-
санина. Зазевели клинки, высекая злые
искры, и белый снег потерявся...

Нервная дрожь пробегала в пальцах,
передаваясь клавиатуре рояля. Звуки
мисловал он смерть — геронческая

смерть за родину, когда умирают ста-
стливыми. Обессиленный внутренним
напряжением, он торопливо закрывал

шкрушу и, задержавшись у буфета,
шкрушу и, не разбрив дорожек, через парк
в поле.

Солнце поднималось уже на полдень.
Короли, лениво помахивая хвостами,
жадно, но аккуратно, под самый ко-
рень, срывали скучную травку. Былас

у новосласских мужиков, признаться, я
неважный. Матушка — барыня Евгения
Андреевна, видимо, принимала

матушку с висяком; свиних да
кочки. Не самой высокой и зеленою си-
дит согнувшись, бес шапки, кривой

старик и плетет лапоть.

— Яша, здравствуй!

— Здоровеньки будьте, батюшка-ба-
рин, милостивы наши ласковый, свет
Михаил Иванович, на многие лета
будьте здоровы! — Голова мотается в

поклонах, а зрячий глаз хитро косит-
ся в направлении барской руки. Из

кармана извлекает полотно и

две чертые пирожки, завернутых в

сению салфетку бумагу.

— Ты, Яша, вынене, не стесняйся.

— А я то истина, вынене, свет Ива-

нович, за твою злоруку промочу горло.

Ласков ты по простого люда, не

брегаясь до мужицкой компании. Гос-

поди Иисус Христос — Тыльной сто-

бокой бороды. За них, проклинала

железный путь, звения оружием, гусь-
ком вдруг ляжет. Чем дальше, тем глуб-
же и в недрохолмистом лесе.

Крепостной старик Иван, выбиваясь из сил, уже

бредет. Но вот и сил нехватает,

конец. Нарастает

грозный речитатив
голосов.

Пальцы мелькают
по клавиатуре. Вот
оно, вот что вчера.
тревожило.

Хитрость разгадана, но уже поздно.
Озеревшие ляхи бросились на Су-
санина. Зазевели клинки, высекая злые
искры, и белый снег потерявся...

Нервная дрожь пробегала в пальцах,
передаваясь клавиатуре рояля. Звуки
мисловал он смерть — геронческая

смерть за родину, когда умирают ста-
стливыми. Обессиленный внутренним
напряжением, он торопливо закрывал

шкрушу и, задержавшись у буфета,
шкрушу и, не разбрив дорожек, через парк
в поле.

Солнце поднималось уже на полдень.
Короли, лениво помахивая хвостами,
жадно, но аккуратно, под самый ко-
рень, срывали скучную травку. Былас

у новосласских мужиков, признаться, я
неважный. Матушка — барыня Евгения
Андреевна, видимо, принимала

матушку с висяком; свиних да
кочки. Не самой высокой и зеленою си-
дит согнувшись, бес шапки, кривой

старик и плетет лапоть.

— Яша, здравствуй!

— Здоровеньки будьте, батюшка-ба-
рин, милостивы наши ласковый, свет
Михаил Иванович, на многие лета
будьте здоровы! — Голова мотается в

поклонах, а зрячий глаз хитро косит-
ся в направлении барской руки. Из

кармана извлекает полотно и

две чертые пирожки, завернутых в

сению салфетку бумагу.

— Ты, Яша, вынене, не стесняйся.

— А я то истина, вынене, свет Ива-

нович, за твою злоруку промочу горло.

Ласков ты по простого люда, не

брегаясь до мужицкой компании. Гос-

поди Иисус Христос — Тыльной сто-

бокой бороды. За них, проклинала

железный путь, звения оружием, гусь-
ком вдруг ляжет. Чем дальше, тем глуб-
же и в недрохолмистом лесе.

Крепостной старик Иван, выбиваясь из сил, уже

бредет. Но вот и сил нехватает,

конец. Нарастает

грозный речитатив
голосов.

Пальцы мелькают
по клавиатуре. Вот
оно, вот что вчера.
тревожило.

